

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА В СОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ
(20-30-е гг)**

Ислам не имеет духовного сословия, как скажем, в христианстве, поэтому ни советское правительство, ни руководство Дагестанской АССР в 1920–1930-е гг. ясно не смогло обозначить круг мусульманских духовных лиц. Нередко среди советских и партийных работников раннего Советского Дагестана до конца 20-х гг. возникал спор о том, кого причислять к этой социальной прослойке. В 1925 г. некоторые партийные работники предлагали признать духовенством только тех, «у кого служение религии является профессией» (Материалы II Объединенного пленума ДК и ДКК РКП(б) от 27 марта – 10 декабря 1925 года... Л. 78). Чуть позже, в 1929 г., партийные работники Дагестанского обкома ВКП (б) насчитали приблизительно сто тысяч духовных лиц в республике, к которым причисляли мулл (имамов мечетей и духовных глав мусульманских общин), кадиев (шариатских судей), ученых-алимов, учителей мусульманских школ – мударрисов, муэдзинов (служителей мечетей, пять раз в день призывающих мусульман на молитву – провозглашающих азан), учащихся мектебов и медресе (муталимов), суфийских шейхов и их мюридов. (Стенограмма совещания по антирелигиозной пропаганде ...Л. 54). По оценке бывшего председателя ЦИК Дагестанской АССР Н. Самурского, в 1924–1925 гг. в Дагестане насчитывалось до 40 тысяч духовных лиц на миллион жителей, что составляло четыре процента от общего количества населения, т. е. на каждые 20 горцев приходилось одно духовное лицо (*Самурский (Эфендиев) Н.*, 1925. С. 129).

Картина стала более конкретизироваться после выхода постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., обязавшего всех служителей культа и религиозные общества регистрироваться. Несмотря на требования данного закона, в Дагестанской АССР служители культов, особенно мусульманские, отказывались регистрироваться, прежде всего, не желая платить налоги и опасаясь за свою судьбу. Но властям некоторых районов и городов какую-то часть духовенства все-таки удалось зарегистрировать. Так, согласно официальной статистике Культурной комиссии ВЦИК, на первое января 1936 г. в ДАССР зарегистрировался всего 131 служитель культа разных исповеданий (Материалы Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК... Л. 3). По другим данным, в те же годы прошли регистрацию 341 мулла и 30 кадиев (Материалы Верховного Совета ДАССР и его Президиума...Л. 7). Более полные сведения о служителях культов в ДАССР дают агентурные данные Дагестанского отдела Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). В 1933 г. в 23 районах республики на учет им было взято 636 кадиев и 1 469 мулл, всего 2 105 духовных лиц (Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.)... С. 105–106). Указанные выше данные о мусульманских духовных лицах в республике не соответствовали их реальному количеству, т.к. их учет зависел от добросовестности местных советских чиновников, а они сознательно скрывали духовных лиц от вышестоящих властей, помогая им избежать налого-

обложения и опасаясь за них.

Многие представители духовенства в 1920-е гг. были настроены к советской власти лояльно, пока не начались антирелигиозные гонения. Такую тактику сотрудничества духовенства с советской властью некоторые исследователи объявили «приспособленческой», причислив подобных служителей культа к «левым» и «прогрессивным» (*Калганов А., Светлов П., Сайфутдинов Ш.*, 1967. С. 28). Как раз «левые» и «прогрессивные» муллы старались примирить ислам с коммунизмом, в своих проповедях призывая мусульман жить в согласии с Советами, якобы осуществлявшими свою власть согласно установлениям Корана. Среди них было много представителей интеллектуального ислама, ученых-алимов. В частности, Абусуфьян-кади Акаев (Казанищенский) в своих сочинениях не только оправдывал многие советские преобразования, но и обосновывал их как необходимые и отвечающие требованиям времени (Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева... С. 145–149). Некоторые представители духовенства пытались провести некоторую параллель между исламом и марксизмом. Затея эта, по мнению отдельных исследователей, поощрявшаяся вначале большевиками, была «отвергнута ими самими с чувством оскорбленного целомудрия» (*Дж. Гаджибейли*, 1993. С.66).

В первые годы советской власти руководство республики пыталось учесть особенности и менталитет горцев. Такое осторожное отношение к религиозным чувствам и традициям было продиктовано не только желанием избежать конфронтации с населением, но и заявлениями крупных советских руководителей И.В. Сталина, Г.К. Орджоникидзе, Н. Нариманова, С.М. Кирова о признании шариата и адатов религиозными и национальными особенностями мусульман и обещаниями их соблюдать. В частности, заместитель наркомнаца РСФСР Н. Нариманов доказывал муллам созвучность идей советской власти исламским ценностям, а отделение церкви от государства рассматривал как необходимый и оправданный временем шаг. Он призвал мусульманское духовенство поддержать новую власть, «если любят свою религию и нацию» (Коллекция документов Н. Нариманова ... Л. 1).

Несмотря на заявления и обещания властей, религиозная деятельность духовенства по всей стране была поставлена под жесткий контроль, а его правовое положение регламентировалось законами и подзаконными актами разных высших органов власти. В первую очередь ущемлено было православное духовенство, а потом и духовенство других религий. Так, согласно инструкции Народного комиссариата внутренних дел и Наркомата юстиции РСФСР от 19 июля 1923 г. служители культов подлежали общим со всеми гражданами налогам (*Гидулянов П. В.*, 1924. С. 170).

В связи с переходом к новой экономической политике в РСФСР для служителей культа были установлены разного рода налоги и платы: единый сельскохозяйственный налог, подоходный налог, сбор за освобождение от обязанностей сельского исполнителя и самообложение (*Миннуллин И.Р.*, 2006. С. 80.) Обычным явлением было преувеличение местными властями дохода, получаемого муллой за выполнение религиозной службы. Исследователь Юнусова А. Б. считает, что для духовных лиц, занимающихся религиозной деятельностью, вводился дополнительный налог на доходы (*Юнусова А. Б.*, 1999. С. 142). Те, у кого постоянным и основным источником существования являлось вознаграждение за выполнение религиозных обрядов, приравнивались к лицам свободных профессий (*Гидулянов П.В.*, 1924. С. 171).

Сильное налоговое давление Советского государства испытало на себе офи-

циальное мусульманское духовенство внутренней России, которое было подконтрольно Центральному Духовному управлению мусульман (ЦДУМ). Жалобы мусульманского духовенства разных регионов РСФСР на притеснения местных властей и чрезмерные налоги поступали в адрес постоянной Комиссии по культумам Президиума ВЦИК (1929–1934). Созданная 23 июля 1931 г. при ней межведомственная комиссия расследовала многочисленные жалобы и выяснила, что власть притесняла духовенство по всей стране. Больше всего жалоб поступало на неправильное налогообложение духовенства внутренней России и на дополнительное привлечение к трудовой повинности. Комиссией были отмечены и случаи избияния и оскорбления мулл.

Вместе с тем высокие налоги не вызвали открытых конфликтов мусульманского духовенства Татарии, Башкирии и других регионов внутренней России с властью. ЦДУМ не только пыталось предостеречь духовенство от антисоветских выступлений, но и ходатайствовало в высших эшелонах власти о снижении налогов. В частности, такое ходатайство 22 августа 1924 г. ЦДУМ адресовало во ВЦИК, в нем оно просило освободить мусульманское духовенство от уплаты непосильного подоходно-поимущественного налога. Народный комиссариат финансов РСФСР по запросу отдела национальностей ВЦИК рассмотрел данное ходатайство ЦДУМ 6 сентября 1924 г., но, как писалось в ответе, «не увидел оснований к освобождению духовенства от обложения подоходно-поимущественным налогом» и отказал в ходатайстве (Обращение ЦДУМ во ВЦИК и заключение Наркомфина...Л. 74–75, 80, 81–82).

Ситуация с фиксацией властями доходов духовенства и обложением их налогами на Северном Кавказе значительно отличалась от той, которая сложилась в других мусульманских регионах страны. В частности, в начале 20-х гг. Чеченский ревком освободил мулл от подоходного налога (Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. 1917–1970 гг. 1972. С. 115, 117).

Доходы мусульманского духовенства не поддавались точному контролю государства, т. к. формировались из различных исламских институтов и выполнения религиозных обрядов. Например, с каждого двора, имеющегося в селении, кадиям и муллам причиталось по равному количеству зерна и других продуктов, и норма обложения колебалась в зависимости от селения. Другой статьей дохода кадиев была плата, получаемая с того или иного мусульманина за разбор его дел по шариату, а также за проведение похоронных обрядов и бракосочетание по шариату. Согласно условным цифрам советских работников, за службу в мечети мулла в республиках Северного Кавказа в 20-е гг. получал в среднем не менее 400 рублей в год. В общей сумме духовенство получало в год около 880 000 рублей (См.: Кундухов М., 1929. С. 37)

Материальное положение духовенства нередко зависело и от доходов, получаемых от движимого и недвижимого вакфного имущества, имевшего в распоряжении некоторых мечетских общин. Например, из 40 мечетей селения Акуша и близлежащих аулов-хуторов только у пяти были свои вакфы. Соответственно муллы именно этих мечетей имели больше доступа к доходам. В 1926 г. из 21 духовного лица селения Губден Махачкалинского района преимущественно кадий распоряжался всем закатом и вакфами (Доклад Центрального Исполнительного комитета (ЦИК) ДАССР... Л. 1–1 об.).

Приношения мусульман своим духовным лицам в разных обществах (джамаатах) были разные. Они больше доставались муллам пятничных мечетей, чем

служителям квартальных мечетей. Некоторые сведения о доходах духовенства зафиксировали республиканские чиновники, побывавшие в отдельных населенных пунктах для обследования культурных и бытовых условий горцев, хотя трудно согласиться с их объективностью, учитывая складывающуюся в стране ситуацию по ущемлению прав служителей культа. Например, согласно докладу правительственной комиссии, побывавшей в 1926 г. в Даргинском округе, мулла пятничной мечети селения Акуша получал 80 мерок зерна, а его коллеги квартальных мечетей и в небольших близлежащих аулах получали в два раза меньше, всего 20–40 мерок зерна (Доклад Центрального Исполнительного комитета (ЦИК) ДАССР ...Л. 74).

Материальное положение тарикатских шейхов в первой четверти XX в. было значительно лучше, чем других духовных лиц. Руководители мюридских общин имели в своих руках не только духовную власть, но и немалые экономические ресурсы. Традиционно мюриды регулярно делали своим шейхам подношения и подарки. Больших подарков в разных населенных пунктах республики удостаивался шейх-уль-ислам А.-Х. Акушинский (Политические сводки ОГПУ // ЦГА РД. Ф. р-800. Оп. 2. Д. 4. Л. 8). Семью шейха обеспечивали не только продуктами, но и сеном для скота, дровами на зиму. Такого рода подношения и подарки делались мюридами и просто почитателями не только для того, чтобы поддержать своего духовного наставника, который выполнял свои обязанности, но и чтобы не зависел от властей. Такая форма выражения благодарности и почитания никак не противоречила веками устоявшемуся горскому этикету. По подсчетам местных коммунистов, в 1926 г. шейх Али-Хаджи и 5–6 близких советников собирали доход, оцененный в сумму 9 500 руб. (*Скачко Ан.*, 1931. С. 93). Акушинцы вымостили дорогу, ведущую от базара до дома шейха, речным булыжником, чтобы в любую погоду гости могли пройти к нему. Всяких почестей шейх удостаивался и в других населенных пунктах республики.

Как состоятельный шейх был на учете у властей под именем Гаджи Магомед Эфенди Рамазанов (Штульский) из Южного Дагестана. По анкетным данным, составленным районным отделом ОГПУ, тот имел три собственных дома в аулах Штул, Касумкент и Юхари-Стал, а также несколько фруктовых садов и 50 голов крупного рогатого скота, что позволяло шейху содержать три жены (Дело № 2/6297 в 8 томах «Шейх Штульский»... Л. 431).

Не все шейхи имели высокий достаток. Например, согласно справке Кахибского сельсовета, шейх Хасан Кахибский и до революции 1917 г. и в 1937 г. имел в хозяйстве несколько единиц крупного рогатого скота: одного быка, двух коров, посевную площадь в 20 мерок пшеницы. Правда, в 1930-е гг. в его хозяйстве прибавилось 6 овец. Между тем на его иждивении было пятеро детей (*Арипов Г.*, 2006. С. 86).

Нередко мюриды брали на себя все материальные затраты своих шейхов и помогали уплатить чрезмерные налоги Советского государства. Например, когда на шейха Нинихаджиева Ибрагима из селения Бачиюрт Хасавюртовского района во время хлебаготовок наложили налог в 300 пудов кукурузы, мюриды за ночь принесли ему затребованное властями количество кукурузы, и он на следующий же день отчитался (Политические сводки ОГПУ... Оп. 2. Д. 23. Л. 77).

Усиление налогового давления на духовенство и ликвидация институтов ислама в конце 1920-х гг. проходили параллельно. В тех районах республики, где налоговое законодательство «заработало» раньше, нередко инициативу сбора налогов с местного духовенства и лишения приношений и доходов от прихожан со-

ветские чиновники поручали активистам. Но даже в таких случаях общества пытались оказать сопротивление обложению духовенства налогами, а активистов подвергали моральному осуждению.

Государственные налоги для служителей культа были установлены довольно высокие. Так, 65-летний мулла пятничной мечети и арабист из селения Захит-Наби Касумкентского района Мехтиев в 1930 г. получал 200 руб. дохода от прихожан, а налог платил 300 руб. (Дело № 2/6297 в 8 томах «Шейх Штульский» ...Л. 441). Налоговые законы Советского государства, как и впрочем, и все остальные, «заработали» не везде одинаково. В некоторых горных и высокогорных районах республики сами местные чиновники и активисты игнорировали их, не желая конфликтовать с населением. Например, когда в начале 1933 г. в высокогорном аварском селении Арчиб Чародинского района бедняцкой группе предложили обсудить вопрос обложения индивидуальным налогом общественного кадия Магомеда Хасбулатова и бывшего муллу Имрана Омарова, вся группа активистов проголосовала против, мотивируя свое решение тем, что духовные лица являются авторитетными руководителями общества (Политические сводки Дагестанского отдела Объединенного государственного политического управления (ОГПУ)... Л. 82).

Там, где налоговое законодательство заработало раньше, многие представители духовенства начали испытывать материальные трудности, поэтому чтобы прокормить семьи, они занимались не только традиционным крестьянским хозяйством, но и вынуждены были заняться торговлей и ремеслами, тем более что новая экономическая политика Советского государства (1921–1929 гг.) допускала такое разнообразие хозяйственной деятельности и использование наемного труда.

Чтобы избежать налогообложения, муллы стали практиковать между собой очередность выполнения религиозных обрядов, а некоторые поручали своим детям (Материалы Дагестанского Совета Союза воинствующих безбожников... Оп. 4. Д. 17. Л. 1).

После снятия в 1922 г. с государственного снабжения шариатских судов значительно упали доходы их судей – кадиев. На этой почве некоторые кадии вообще отказывались от выполнения обязанностей председателя сельского и окружного шариатского суда.

Советское государство ввело ограничения для служителей культа и в гражданских правах. Первая же Конституция РСФСР 1918 г. лишила «активного и пассивного избирательного права духовных служителей культов» (*Берхин И.Б.*, 1988. С.55) Ограничения гражданских прав духовенства были закреплены и в Конституции РСФСР 1924 г. Не только духовенство, но и семья служителя культа исключались из участия в общественной жизни. В народе духовенство получило статус «лишенца».

Жесткие меры были предусмотрены советским законодательством к тем служителям культа, которые боролись в годы Гражданской войны против Советской власти. Так, лица, причастные к «контрреволюционным выступлениям», декретом ВЦИК от 10 августа 1922 г. высылались за границу или в указанные местности РСФСР в административном порядке (*Гидулянов П. В.*, 1924. С. 165–166). Согласно Постановлению ЦИК и Совнаркома СССР от 1924 г. служители всех религиозных культов не призывались в Красную Армию, а зачислялись в тыловое ополчение (*Гидулянов П.В.*, 1924. С. 168–169).

Религиозная ситуация в мусульманских регионах СССР находилась под осо-

бым контролем Москвы. Высшее политическое руководство страны во второй половине 1920-х гг. не раз обсуждало «мусульманский вопрос». Так, состоявшееся в январе 1927 г. заседание Оргбюро ЦК ВКП (б) поручило ЦИК СССР издать специальное разъяснение о лишении муэдзинов (азанчей) пассивного и активного избирательного права и о полном изъятии из рук мулл ведения актов гражданского состояния (Протокол заседания Оргбюро ЦК ВКП (б)..., Л. 9–10). Аналогичный закон был принят и ЦИК ДАССР, но он не выполнялся не только в 30-е, но и в послевоенные годы.

Самым «большим» вопросом для руководства Дагестанской АССР был вопрос ограничения духовенства в гражданских правах, который вызывал много споров. На первых порах руководство республики было осторожно, и 12 июля 1920 г. избирательные права духовенству были провозглашены официально (Материалы Дагестанского обкома РКП(б)... Оп. 2. Д. 13. Л. 155) До подавления в Дагестане антисоветского восстания 1920–1921 гг. ущемлять духовенство было слишком рискованно, тем более что во многие ревкомы были избраны его представители. Как только основные очаги антисоветского восстания в мае 1921 г. в горах были подавлены, республиканские власти разрешили этот вопрос в соответствии с требованиями советского законодательства. Окончательную точку в этом вопросе поставили решения Дагобкома РКП (б) и Дагревкома. Вначале 23 октября 1921 г. Президиум Дагестанского обкома РКП (б) прежнее решение о допущении духовенства к выборам в советские органы признал неправильным и предложил Дагревкому его отменить, внося изменения в Конституцию (Образование Дагестанской АССР... 1962. С. 149). Через несколько дней, 26 октября 1921 года Президиум Дагревкома признал «допущение духовенства к выборам неправильным» и этот пункт инструкции отменил (Революционные комитеты Дагестана..., 1960. С. 433).

Осенью 1921 г. в Дагестанской АССР началась первая выборная кампания в местные Советы. В советской исторической литературе бытовало мнение, будто духовенство всячески стремилось использовать выборы в своих интересах и «претендовало на государственную власть», пытаясь взять ситуацию под свой контроль (*Османов А.И.*, 1977. С. 17).

Подготовка к выборам в Советы в 20-е гг. доставляла властям немало хлопот, т. к. во многих населенных пунктах в Советы избирали прежде всего местных духовных лиц. Поэтому Центральная избирательная комиссия Дагестанской АССР 27 октября 1921 г. строгойше запретила окружным избирательным комиссиям включать духовных лиц кандидатами в депутаты (Образование Дагестанской АССР... 1962. С. 152). Первым лицам республики нередко приходилось выступать с разъяснениями по этому вопросу в печати. Так, нарком юстиции ДАССР Ибрагим Алиев через газету призвал местных партийных и советских работников быть предусмотрительными, чтобы «мулла не проник в Советы», ибо «очень трудно по внешнему виду различить, где мулла, а где трудовой горец» (Красный Дагестан. № 165. 1922. 13 октября). Несмотря на ограничительные меры властей, участие духовенства в избирательных кампаниях до конца 20-х гг. было достаточно высоким.

Отсутствие официально зарегистрированного мусульманского духовенства в Дагестане вызывало споры среди чиновников о том, кого из духовных лиц лишать избирательных прав, а кого нет. Этот вопрос отдельные республиканские чиновники предлагали разрешить исходя из классовой принадлежности духовенства. В

частности, нарком юстиции и просвещения А. Тахо-Годи в 1925 г. пытался республиканскому активу доказать, что алимы и кадии, составлявшие цвет духовной интеллигенции, являются выходцами из бедняков и соответственно заслуживали предоставления избирательных прав (Доклад наркома юстиции и просвещения А.А. Тахо-Годи на II Объединенном пленуме ДК и ДКК... Л.25). «И получается такая картина, что это беднота, – продолжал Тахо-Годи, – которая выросла в интеллигенцию, лишена избирательных прав. Таким образом, наша Конституция лишила права участвовать в выборах грамотным людям» (Там же). Не все выступающие были согласны с ним, в частности ответственные работники Б. Астемиров и Х. Арсланбеков были против предоставления избирательных прав всем служителю культа.

Тем не менее пленум принял постановление, согласно которому лишались избирательных прав те духовные лица, у кого служение религиозному культу являлось профессией. Отдельный пункт постановления признавал арабистов-алимов и муталимов гражданами, имеющими избирательные права, но тем арабистам, кто выполнял ранее обязанности духовных лиц профессионально, избирательные права предоставлялись по истечении 3-летнего срока с момента оставления ими религиозной деятельности. Лишались избирательных прав также духовные лица, занимавшие при царизме должности в областных, окружных и сельских судах и получавшие награды от царского правительства. Для духовных лиц, имевших особые заслуги перед революцией, окружные райисполкомы могли возбудить мотивированное ходатайство перед ДагЦИК о восстановлении их в избирательных правах (Там же. Л. 78). После принятого решения Дагестанского обкома ВКП(б) последовало такое же решение Президиума Дагестанского ЦИК. Оно было продублировано практически без изменений 24 января 1926 г. и вышло как специальное постановление «Об избирательных правах духовных лиц и арабистов» под №36 (Материалы ЦИК ДАССР... Д. 73. Л. 31об.). Дагестанский обком ВКП(б) и ЦИК ДАССР исходили из постановления ВЦИК от 21 декабря 1923 г., которое позволяло «лишенцам» ходатайствовать перед ВЦИК о восстановлении их с приложением объективных данных, документов, заявлений, заверенных местными властями (Гидулянов П.В., 1924. С. 162). В этом вопросе исключения не допускались ни для православного, ни для мусульманского или иного духовенства.

Вышеупомянутый закон реализовывался в разных районах и населенных пунктах республики по-разному. В некоторых плоскостных и предгорных районах закон «заработал» быстрее, чем в горных и высокогорных. Так, 30 марта 1929 г. президиум Коргмаскалинского района (ныне Сергокалинский район. – Авт.) восстановил в гражданских правах бывшего кадия селения Урахи Гасан-Али Алиева, объяснив свое решение тем, что тот «в течение 5 лет оставил службу кадия и занимался сельским хозяйством» (Материалы Коргмаскалинского Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов... Д.1. Л. 15 об.). В декабре 1933 г. с такой же формулировкой в гражданских правах был восстановлен и бывший мулла селения Нижние Мулебки Коргмаскалинского района Муртазали Мусаев (Материалы Коргмаскалинского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов... Д. 7. Л. 110).

Чтобы восстановиться в гражданских правах, служители мусульманского культа в Дагестанской АССР практиковали отказ от исполнения религиозных об-

рядов. Нами в архивных документах выявлено немало таких случаев. На такой шаг служители культа шли по просьбе родственников и доброжелателей, которые работали в советских органах власти и опасались за них. В отдельных случаях официальный отказ духовных лиц от исполнения религиозных обрядов мог положительно рассматриваться властями и мог служить основанием для их восстановления в гражданских правах и в ослаблении налогового бремени.

Принятые Советским государством законы, ограничивающие мусульманское духовенство в гражданских правах, в Дагестане плохо выполнялись по ряду причин. Главная причина состояла в том, что жители выражали свое возмущение по поводу ущемления прав духовенства открыто, и местным властям ничего не оставалось, как закрывать глаза на указания «сверху» и считаться с местными условиями.

Десятки местных Советов возглавлялись доверенными людьми крупных алимов и шейхов. Так, общественно-политическая ситуация в селении Акуша и близлежащих аулах находилась под полным контролем шейха А.-Х. Акушинского, и все ключевые посты в советских органах занимали его мюриды. Например, председателем сельсовета являлся ближайший мюрид Нурбаганд Исаев, лишенный избирательных прав как служитель культа и объявленный «контрреволюционером» в 1928 г. по сфабрикованному ОГПУ делу против шейха и его окружения.

В отличие от других духовных лиц, Али-Хаджи Акушинский доставлял властям немало хлопот и мешал проведению советских хозяйственных и политических кампаний, т. к., по его мнению, они противоречили исламским ценностям и его представлениям о социально справедливом обществе. Он был в числе самых активных и непримиримых духовных лидеров и вначале помогал установить советскую власть, а потом за ошибки и антирелигиозные гонения ругал и предрекал скорую ее гибель. Нередко поездки шейха Али-Хаджи Акушинского по аулам в первые годы нэпа с целью агитации против сдачи продналога государству приводили к отказу жителей от его внесения (*Османов А.И.*, 1977. С. 21).

Советские и партийные работники, ответственные за проведение выборных кампаний в местные Советы, приходили получать санкцию к духовным лицам. Особые усилия приходилось им прилагать для того, чтобы организовать выборные кампании в тех аулах, где ситуацию контролировали влиятельные суфийские шейхи.

Несмотря на усилия новых властей, в некоторых аулах Махачкалинского района к середине 1920-х гг. в сельские Советы не попал ни один батрак и бедняк, и в этом советские и партийные чиновники обвинили духовенство. Духовные лица обвинялись не только в стремлении провести своих людей в Советы, но и в подстрекательстве населения против мероприятий советской власти. Такого рода обвинения в адрес духовенства стали звучать из уст советских чиновников чаще в конце 20-х и в 30-х гг. Это было связано с трудностями советского строительства и начавшимися сталинскими репрессиями против «врагов народа» и «контрреволюционеров». Духовенство, в свою очередь, обвиняло советскую власть в стремлении в корне уничтожить шариат, заменив его советскими законами, а мусульман превратить в «гяуров».

Были случаи, когда свое бессилие в организации советской работы местные власти перекладывали на духовенство. Так, во время перевыборов сельского Совета в с. Кумторкала в 1926 г. произошел раскол среди джамаата, из-за чего в течение двух месяцев не смогли выбрать председателя, а районные власти в этом

обвинили местное духовенство и кулаков, как сговорившихся против советской власти (Материалы Дагестанского обкома ВКП(б)... Оп. 1. Д. 1096. Л. 32).

Крайне трудно было советским и партийным работникам выполнять свои обязанности в тех населенных пунктах, где они не смогли найти общий язык с влиятельным духовенством. Например, до конца 20-х гг. ячейка коммунистов селения Акуша проводила свои собрания тайно в доме секретаря ячейки, выставляя наружного часового. Кадий селения Анди Аслутдин Гаджи в 1926 г. оказывал психологическое давление на местного председателя сельсовета и секретаря партячейки. Его публичные заявления о том, что коммунистам место в Москве, а не в Анди, и категорические запреты землякам вступать в партию и комсомол сильно подрывали авторитет местных чиновников среди жителей (*Гаджиев С.*, 1963. С. 34).

Для применения административных и уголовных мер наказания со стороны властей нередко повод давали сами духовные лица. Например, 20 ноября 1921 г. кадий селения Бускри Кайтаго-Табасаранского округа Ахмед-хаджи убеждал односельчан изгнать из аула коммуниста Юсупа Алиева (Материалы Дагестанского обкома ВКП(б)... Оп. 1. Д. 212. Л. 6; Д. 153. Л. 74). Отдельные духовные лица были уличены в призывах к физической расправе над советскими и партийными работниками и в агитации бойкотировать хозяйственные и политические кампании. Из различных источников нами выявлены случаи, когда духовенство запрещало землякам участвовать в торжествах, посвященных советским праздникам. Антисоветские выпады со стороны духовенства продолжались до конца 30-х гг.

Ограничения в гражданских правах духовенства и антирелигиозные гонения властей привели к тому, что наиболее активные духовные лица стали тайно собираться в частных домах и обсуждать сложившееся в стране политическое положение и свою тактику к советской власти. Обсуждать такие вопросы с прихожанами в мечетях духовенству стало небезопасно. Особенно опасной стала религиозная деятельность духовенства в 1930-е гг. в плоскостной части республики и в городах, где контроль властей и борьба с инакомыслием была наиболее активной и последовательной.

Антирелигиозные законы и гонения на духовенство некоторыми советскими и партийными чиновниками усваивались с трудом. Они не только не разделяли крайние меры Советского государства, направленные на секуляризацию религии и на выдавливание духовенства из общественной и социально-бытовой жизни мусульман, но и публично продолжали исполнять религиозные обряды. Такие случаи наблюдались в районах республики и в 1930-е гг. Например, вместо арестованного в начале 1933 г. за «контрреволюционную деятельность» муллы селения Кижани Ботлихского района Лабазана Гаджи похоронный обряд умершего земляка провел секретарь комсомольской ячейки Джаватхан Магомедов (Политические сводки ОГПУ... Оп. 2. Д. 49. Л. 80). Соблюдение религиозных обрядов активистами осуждалось как на районных, так и на республиканских форумах. В дальнейшем при выдвижении активистов на советские ответственные посты проверялись не только социальное происхождение, но и мировоззрение и религиозные убеждения.

Как правило, в Дагестанской АССР было немало и таких активистов, которые перенимали методы работы своих коллег из Центральной России и беспощадно боролись с «религиозным дурманом» и его носителями. Стараясь выслужиться, такие активисты притесняли духовенство и верующих, первыми рапортовали об

«успехах» в проведении антирелигиозных мер. Местное духовенство таких активистов-атеистов называло «гяурами» и отступниками от ислама и шариата.

На взаимоотношениях духовенства и государства сильно отражались противоправные действия властей и жалобы населения на чиновничью волокиту. Почву для конфликтов нередко создавали нечистоплотные дельцы, которые приходили к власти разными путями и своим поведением дискредитировали идеи советской власти. Недовольство населения духовенство использовало для оказания давления на представителей власти. Примеры конфликтных ситуаций советского чиновничества и населения в раннем Советском Дагестане часто встречаются в донесениях агентов ОГПУ и партийных документах (Доклад секретаря Андийского окружного комитета РКП (б) и инструктора Дагобкома РКП (б) в Дагестанский обком РКП (б) от 1921 г.... Л. 17об.).

Используя несовершенство советского религиозного законодательства, среди духовенства получила широкое распространение работа в советских учреждениях по совместительству, особенно в низовых органах власти и школах. Такому трудовому соглашению с духовными лицами циркуляры и инструкции некоторых наркоматов не мешали. В частности, циркуляр Наркомтруда РСФСР и отдела нормирования ВЦСПС № 99 от 1 декабря 1920 г. не запрещал занятия должностей по совместительству. Оплата труда разрешалась на основании существующих правил (Материалы Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) ДАССР... Оп. 5. Д. 3. Л.1). В особенно выгодных условиях оказались учителя – мударрисы мектебов и медресе, т. к. циркуляр Наркомтруда от 1923 г. не считал педагогическую работу совместительством (*Гидулянов П. В.*, 1924. С. 161).

В архивных документах нами выявлены десятки случаев работы духовных лиц в советских учреждениях по совместительству. Так, бывший в 1923 г. кадием с. Дегва Коркмаскалинского района Абдулжалил Исаев по совместительству устроился работать секретарем сельского Совета, пока президиум районного Исполнительного комитета 2 января 1930 г. не освободил его, вдобавок лишив избирательных прав (Материалы Коркмаскалинского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов... Оп. 1. Д. 1. Л. 5). Общественный мулла с. Шали в середине 20-х гг. стал секретарем сельсовета, а общественный мулла с. Кахиб – секретарем кресткома (Политические сводки ОГПУ... Оп. 2. Д. 12. Л. 29). Работавший в 1922–1926 гг. муллой в другом селении Велиханов Бул из с. Цмур Курахского района вступил кандидатом в члены ВКП (б) и по совместительству устроился секретарем сельсовета. Его карьера советского служащего помогла ему устроиться и учителем советской школы в родном ауле, где вдобавок он получал и оклад в сумме 71 руб. (Дело № 2/6297 в 8 томах «Шейх Штульский»... Л. 389). Мулла и имам пятничной мечети лакского с. Унчукатль 40-летний Муса Маллаев после установления советской власти совмещал разные должности в советских и мусульманских учреждениях.

Работая по совместительству в советских учреждениях, немало представителей духовенства за эти годы улучшили свое материальное положение. Они умело использовали нестабильность власти и рыночные механизмы нэпа. Например, мулла Юсуп Магомедов из с. Хаджалмахи Левашинского района, работая во второй половине 20-х гг. председателем мелиоративного товарищества, скупил сады у разорившихся бедняков за бесценки и разбогател (Следственные показания... Д. 06599. Т. 3. Л. 123 об., 134).

Таким образом, на социально-экономическое и правовое положение мусуль-

манского духовенства повлияли антирелигиозные меры Советского государства, которые с конца 20-х гг. приобрели наступательный и необратимый характер. К ним можно отнести ограничение, а потом и лишение духовенства гражданских прав, преследование его представителей за выполнение религиозных обрядов, закрытие институтов ислама – мечетей и мусульманских школ, шариатских судов, изъятие закята и вакфов из ведения духовенства, наложение чрезмерных налогов и т.д. Тем самым позиции духовенства в дагестанском обществе в 30-е гг. были расшатаны, но окончательно не подорваны. Многовековые традиции почитания духовенства и влияние ислама в Дагестане оказались сильнее советских законов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арипов Гаджи*, 2006. Баракат. Махачкала.
- Берхин И.Б.*, 1988. Первая Советская Конституция (Основной закон РСФСР 1918 г.). М.
- Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.) Документы и материалы / Сост. Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Амирханова М. М., 2007. Махачкала.
- Гаджибейли Дж.*, 1993. Избранное. Баку.
- Гаджиев С.*, 1963. Пути преодоления идеологии ислама. (По материалам Северного Кавказа и Дагестана). Махачкала.
- Гидулянов П.В.*, 1924. Отделение церкви от государства // Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела Наркомюста РСФСР / Под ред. П. А. Красикова, прокурора Верховного суда СССР. 2-е изд. М.
- Дело № 2/6297 «Шейх Штульский» (Гаджи Магомед Эфенди Рамазанов) в 8 т. // Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по РД (Архив УФСБ РФ по РД). Т. 8.
- Доклад наркома юстиции и просвещения А.А. Тахо-Годи на II Объединенном пленуме ДК и ДКК, который проходил 27 марта – 10 декабря 1925 года // Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), Ф. 1–п. Оп. 1. Д. 607.
- Доклад секретаря Андийского окружного комитета РКП (б) и инструктора Дагобкома РКП (б) в Дагестанский обком РКП (б) от 1921 г. // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 67.
- Доклад Центрального Исполнительного комитета (ЦИК) ДАССР по обследованию культуры и быта дагестанских аулов. Август 1926 г. // ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 18. Д. 25.
- Калганов А., Светлов П., Сайфутдинов Ш.*, 1967. На путях к атеизму. Казань.
- Коллекция документов Н. Нариманова // Государственный архив политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики (ГАППОДАР). Ф. 609. Оп. 1. Д. 48.
- Красный Дагестан. № 165. 1922. 13 октября.
- Кундухов М.*, 1929. О закяте и некоторых других формах поборов духовенства в нацобластях // Революция и горец. № 7 – 8.
- Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева. Сборник статей и материалов / Отв. ред. А.Р. Шихсаидов, Г.М.-Р. Оразаев; Сост. Г.М.-Р. Оразаев. 1992. Махачкала.

- Материалы Верховного Совета ДАССР и его Президиума // ЦГА РД. Ф. р-352. Оп. 5. Д. 18.
- Материалы Дагестанского обкома ВКП(б) // ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 153; Д. 212; Д. 561; Д. 1096; Оп. 2. Д. 13.
- Материалы Дагестанского Совета Союза воинствующих безбожников (СВБ) // ЦГА РД. Ф. р-238. Оп. 4. Д. 17.
- Материалы Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-5263. Оп. 1. Д. 139.
- Материалы Коркмаскалинского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов // Сергокалинский районный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1; Д. 7.
- Материалы Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) ДАССР // ЦГА РД. Ф. р-41. Оп. 5. Д. 3.
- Материалы II Объединенного пленума ДК и ДКК РКП(б) от 27 марта – 10 декабря 1925 года // ЦГА РД, Ф.1-п. Оп. 1. Д. 607.
- Материалы Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) ДАССР // ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 20. Д. 73.
- Миннуллин И.Р.*, 2006. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920 – 1930-е гг.). Казань.
- Образование Дагестанской АССР (1920 – 1921 гг.). Сборник документов и материалов. 1962. Махачкала.
- Обращение ЦДУМ во ВЦИК и заключение Наркомфина от 6 сентября 1924 г. по запросу отдела национальностей ВЦИК об обложении высоким налогом мусульманского духовенства Башкирии // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 19.
- Османов А.И.* Деятельность партийно-советских организаций Дагестана по идейно-политическому воспитанию трудящихся масс в период перехода к нэпу // Социально-экономические и культурные преобразования в Дагестане (1920 – 1970). Редколлегия: Гаджиев А. С., Казанбиев М. А., Каймаразов Г. Ш., Османов А. И. 1977. Махачкала.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. 1917 – 1970 гг. 1972. Грозный.
- Политические сводки ОГПУ // ЦГА РД. Ф. р-800. Оп. 2. Д. 4; Д. 23; Д. 49.
- Протокол заседания Оргбюро ЦК ВКП (б) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 4. Д. 117.
- Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению советской власти и организации социалистического строительства (март 1920 г. – декабрь 1921 г.). Редколлегия: А.К.-М. Ибрапилов, А.М. Магомедов. 1960. Махачкала.
- Самурский (Эфендиев) Н.*, 1925. Дагестан. Махачкала.
- Скачко Ан.*, 1931. Дагестан. М.
- Следственные показания // Архив ФСБ РФ по РД. Д. № 06599 в 13 томах. Т. 3.
- Стенограмма совещания по антирелигиозной пропаганде // Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1240.
- Юнусова А.Б.*, 1999. Ислам в Башкортостане. Уфа.